

МЕТАПОРЯДОК КАТЕГОРИЙ VS/AND МЕТАКАТЕГОРИЯ ПОРЯДКА

Александр Голиков

доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина, email: a.s.golikov@gmail.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6786-0393>

Статья посвящена теоретическому исследованию теории как порядка производства этой теории на категориальном уровне. Основываясь на историко-социологическом материале и концептуальном анализе, автор исследует на примере метакатегории порядка логику развития социологии как науки. Анализируется ряд господствующих в социологии взглядов на вопросы абстракции и конкретики, эмпирики и теории, обобщений и уточнений, универсалистской понятности и партикулярной прикладности. Подчеркивается, что абстрагирование, отбор и построение метакатегорий является магистральным путём не только в «нормальных науках» (по Т. Куну), но и в науках, которые могут противопоставлять себя им, в том числе и в разнообразных проектах социологии. В качестве примера метаязыков изучаются разработки Н. Лумана и акторно-сетевой теории. Исследуются пути внедрения в социологию метакатегорий, их абстрагирования и утверждения. Выделяются три ключевых источника метакатегорий для социологии (самодвижение социологии, заимствования из философии, извлечения из других наук). Вводится важное различие метакатегорий, категорий и служебных слов в социологическом теоретизировании. Отдельный акцент сделан на анализе того, как метакатегории практикуются в социологическом дискурсе. Авторские гипотезы и предварительные выводы проверяются на материале метакатегории социального порядка в интерпретации ряда ведущих социологов-теоретиков. Для верификации задействуются наработки П.А. Сорокина, Т. Парсонса, П. Бурдьё и И. Гофмана. Делается вывод об эпистемологической значимости метакатегорий для социологии и об их роли в научном порядке организации познания. В частности, автор доказывает, что исследование метакатегории порядка позволяет вскрыть метапорядок категорий в теоретической социологии. Порядок как одна из наиболее абстрактных, наименее «окрашенных» и методологически ангажированных метакатегорий в этом смысле обладает высоким потенциалом экспликации логики развития социологии.

Ключевые слова: категории, метакатегории, порядок, абстрагирование, социология, методология, эпистемология.

Стаття присвячена теоретичному дослідженню теорії як порядку виробництва цієї теорії на категоріальному рівні. Грунтуючись на історико-соціологічному матеріалі і концептуальному аналізі, автор досліджує на прикладі метакатегорії порядку логіку розвитку соціології як науки. Аналізується ряд пануючих в соціології поглядів на питання абстракції і конкретики, емпірики і теорії, узагальнень і уточнень, універсалистської понятності та партикулярної прикладності. Підкреслюється, що абстрагування, відбір і побудова метакатегорій є магистральним шляхом не тільки в «нормальних науках» (за Т. Куном), але і в науках, які можуть себе їм протиставляти, в тому числі і в різноманітних проектах соціології. Як приклад метамови аналізуються розробки Н. Лумана і акторно-мережевої теорії. Досліджуються шляхи впровадження в соціологію метакатегорій, їхнього абстрагування та ствердження. Виділяються три ключових джерела метакатегорій для соціології (саморух соціології, запозичення з філософії, вилучення з інших наук). Вводиться важливе розрізнення в соціологічному теоретизуванні метакатегорій, категорій і службових слів. Окремий акцент зроблено на аналізі того, як метакатегорії практикуються в соціологічному дискурсі. Авторські гіпотези і попередні висновки перевіряються на матеріалі метакатегорії соціального порядку в інтерпретації низки провідних соціологів-теоретиків. Для верифікації задіюються напрацювання П.О. Сорокіна, Т. Парсонса, П. Бурдьє та І. Гофмана. Висновується епістемологічна значущість метакатегорій для соціології і їхня

роль в науковому порядку організації пізнання. Зокрема, автор доводить, що дослідження метакатегорії порядку дозволяє розітнути метапорядок категорій в теоретичній соціології. Порядок як одна з найбільш абстрактних, найменш забарвлених та методологічно ангажованих метакатегорій в цьому списку володіє високим потенціалом експлікації логіки розвитку соціології.

Ключові слова: категорії, метакатегорії, порядок, абстрагування, соціологія, методологія, епістемологія.

Metaorder of categories vs/and metacategories of order

Alexander Golikov

Doctor of Science (Sociology), Associate Professor, Professor Department of Sociology V. N. Karazin Kharkiv National University, 4, Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine,

email: a.s.golikov@gmail.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6786-0393>

The article is devoted to the theoretical study of theory as an order of production of this theory at the categorical level. Based on historical and sociological material and conceptual analysis, the author explores the logic of the development of sociology as a science using the metacategory of order as an example. The author analyzes a number of views prevailing in sociology on issues of abstraction and specificity, empiricism and theory, generalizations and refinements, universalist conceptualism and particular applicability. It is emphasized that the abstraction, selection and construction of metacategories is the main way not only in the “normal sciences” (according to T. Kuhn), but also in the sciences that can oppose themselves to them, including in various sociology projects. As an example of metalanguages the development of N. Luhmann’s theory and actor-network theory are studied. The ways of introducing metacategories into sociology, their abstraction and approval are investigated. Three key sources of metacategories for sociology are identified (self-movement of sociology, borrowing from philosophy, extraction from other sciences). An important distinction between metacategories, categories and official words in sociological theorizing is introduced. Separate emphasis is placed on the analysis of how metacategories are practiced in sociological discourse. The author’s hypotheses and preliminary conclusions are verified on the basis of material metacategories of the social order in the interpretation of a number of leading theoretical sociologists. For verification, P.A. Sorokin, T. Parsons, P. Bourdieu and E. Goffmann theories were used. The conclusion about the epistemological significance of metacategories for sociology and about their role in the scientific order of the organization of knowledge is drawn. In particular, the author proves that the study of the metacategory of order allows to reveal the metaorder of categories in theoretical sociology. Order as one of the most abstract, least “colored” and methodologically biased metacategories in this sense has a high potential for explicating the logic of the development of sociology.

Keywords: categories, metacategories, order, abstraction, sociology, methodology, epistemology.

Математик — это тот, кто умеет находить аналогии между утверждениями, лучший математик — тот, кто устанавливает аналогии доказательств, более сильный математик — тот, кто замечает аналогии теорий; но можно представить себе и такого, кто между аналогиями видит аналогии.

(Стефан Банах)

Социологическое теоретизирование в течение двух столетий своего практикования сталкивалось с множеством разнообразных вызовов. Одним из них, безусловно, является вопрос абстрагирования, обобщения, департикуляризации суждения социолога. Традиционная модель научного поиска предполагает рафинирование суждения от субъект(ив)ности его производителя посредством ряда процедур, где не последнюю роль играет построение, имплантирование и (вос)производство порядка метакатегорий.

Дело в том, что сама логика научного поиска, стартующего с шизофренизирующего¹ расчленения синкретичного объекта, востребует неизбежного восхождения по ступенькам абстрагирования. Начиная с предельно конкретного, нерасчленённо-

¹ Общеизвестна связь между схизмой, science, scissors, schizo- - и, как доказывают разнообразные теоретики, не только чисто этимологическая. Анализ современной науки, как показывает, например, Ф. Гваттари, действительно базируется на психопатологическом механизме шизофрении.

го, слитого в своей единичности объекта, «нормальная наука» (термин Т. Куна [1]) ἀνάλογισις вычленяет посредством мясницкого ножа criterion абстракты, которые всё меньше имеют отношение к непосредственному конкретному источнику этих абстрактов. С каждым уровнем абстрагирования эта связь становится всё менее очевидной: так, если натуральные числа как абстракция достаточно недистанцированы от их эмпирической конкретики, то рациональные числа дистанцированы куда больше, иррациональные – ещё больше и, наконец, практически невозможно для здравого смысла найти «привязки» для комплексных чисел.

Это проявляется и в дидактических диалогичных: младшие школьники сталкиваются с максимально конкретными объектами, а сложные абстракты вроде «момента импульса силы» им предъявляются лишь по мере развития их способности к аналитическому расчленению и синтезирующему обобщению.

Однако эта вполне самоочевидная логика саморазвития науки в случае с гуманитарными и социальными науками подвергается постоянному оспариванию и агрессивным попыткам её дезавуировать. Это осуществляется с позиций:

а) постмодернистской микронарративности, где социология зачастую позиционируется как уникальный, а то и монополярный носитель логики постмодерна [2]. Безусловно, постмодерн как состояние общества [3] предполагает изменение статуса метанарративов, однако, как показали социальные и эпистемологические процессы последней трети прошлого века, это изменение нельзя упрощать до «окончательного распада метанарративов», столь странно похожего на фукьямовский «конец истории»;

б) методологического номинализма, в рамках которого любые обобщения подзреваются в чрезмерном упрощении; однако при этом упускается из виду или же целенаправленно игнорируется неизбежность моделирования. Ведь, как учит системная теория [4], система оказывается способной сполна и целиком отразить другую систему (то есть, говоря эпистемологически, познать) исключительно при одном условии: если «познающая» система сложнее и объёмней, чем познаваемая. Это автоматически приводит к парадоксу познания, при котором проявляется, что познающий субъект

должен быть даже не аксиологически или эпистемологически сопоставлен с познаваемым объектом, а **онтологически надставлен** над ним; альтернативой является осуществление редукции комплексности, как её определил бы Н. Луман [5]. Такая же редукция комплексности оказывается невозможной без элиминации определённых как незначимые / несущественные / неприципиальные / несодержательные феноменов и эпифеноменов;

в) риторики «антитоталитаризма» и противостояния «рациофашизму» (П. Фейерабенд [6]). Эта риторика, порождённая бурным и опасным XX веком, опирается на крайне методологически и эпистемологически сомнительный концепт тоталитарности² и паразитически использует имманентную либеральность социологического научного дискурса, который автоматически клеймит апелляцию ко всеобщности – в том числе и эпистемологической всеобщности, как тоталитарность мышления и/или практик.

Именно на этом противоречии зиждется немалый комплекс проблем, с которыми сталкивается современная социология. Исследование этого комплекса (и экспликация результатов этого анализа на примере метакатегории порядка) с позиций возможности и уже происходящих процессов построения метапорядка категорий и стал **целью нашей статьи**.

Социология собственную первоначальную³ легитимацию конституировала на базе противопоставления метафизичности, абстрактности и оторванности от жизни предшествующих философских эпистемологических проектов, чем, между прочим, противопоставила себя магистральному пути общенаучного развития. В то время, как «нормальные науки», лидерствовав-

2 Поставим, например, такой, вполне средневеково-метафизический вопрос: насколько тоталитарен сам дискурс тоталитаризма? Насколько противостоит этому тоталитаризму дискурс, опровергающий саму научность концепта тоталитаризма? В конце концов, какова качественная разница между тотальностью как принадлежностью к всеобщему и тоталитаризмом как принадлежностью к иному всеобщему?

3 Речь, конечно же, идёт о легитимации имени О. Конта. Легитимация имени М. Вебера – Э. Дюркгейма, по сути, реконституировавшая социологию на принципиально иных основаниях, отсылается к совершенно иным и, что характерно, также экстернальным факторам: начиная от кризиса капиталистического общества начала XX века и заканчивая идейным противостоянием нарождавшемуся грозному критику в лице марксизма (детальнее см. [7]).

шие в XVIII-XIX веках (астрономия, физика, математика, биология), восходили по лестнице абстрагирования всё выше и выше, социология оказалась на эшеровской лестнице постоянного возвращения в исходную точку, если считать по высоте абстракции. Раз за разом обретаемые социологами понятия-«игрушки» («толпа» у Г. Лебона, «подражание» у Г. Тарда, «*alle Geist*» у В. Вундта, «организм» у Г. Спенсера) активно применялись для универсального объяснения всего общества, естественно, с ожидаемым результатом. Каждую из этих «игрушек» социологи рассматривали как теоретическую панацею, посредством которой они смогут объяснить всю природу и сущность общества⁴.

Однако параллельно складывался и процесс, характерный для «нормальной» науки: социологи ход за ходом обнаруживали всё более обобщающие, всё менее самоочевидные с позиций здравого смысла⁵ универсальные (или, как минимум, претендующие на универсальность) категории. «Социальное», «действие», «социальное действие», «социальный факт», «социальное пространство», «солидарность» - всё это понятия уже следующего, недоступного для многих наивных теоретиков XIX века⁶ яруса абстрагирования; на этом ярусе ещё сохраняется некоторая эмпирическая связь эпистемы с реальным миром в его конкретности, однако происходит первичное рафинирование. Ещё более абстрактными, сложными⁷, высокими⁸ категориями являются «легитимность», «смысл», «нор-

ма», «аномия», «резидуи», «деривации», «рациональность», «социация», «форма», «содержание», «моральная плотность» и т.п. И этот путь, начало которого мы выше продемонстрировали на примере категорий Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Парето, в XX веке усилиями ключевых теоретиков, синтезировавших и соединявших классические наработки, пролегал всё выше и выше по ярусам абстрагирования.

Именно таким, очередным ярусом абстрагирования, например, стали «типичные переменные действия» [10], посредством которых Т. Парсонс «ушёл» от чисто описательной, идеографической, пусть и содержащей элементы аналитичности в виде чистых типов, веберовской логики в сторону абстрагирующего вычленения универсальных принципов объяснения не только микросоциальных (деятельностных), но и макросоциальных (структурных, системных) феноменов и процессов. И этот пример не является уникальным: несмотря на ситуативные «откаты к конкретике» и «отступления к партикулярностям» (из крупных и известных имён в этих контртенденциях можно вспомнить У. Бека или Ю. Хабермаса), социология демонстрировала настойчивый поиск сначала категорий высших степеней абстракции, а затем и метакатегорий.

Под последними мы подразумеваем «кварки» и «глюоны» концептуального аппарата, то есть те элементы, из которых может складываться понятийный каркас социологии на атомарном уровне (где атомами могут быть «коммуникация», «действие», «социальное», «норма», «практика», «ценность», «культура» и т.п.). Иначе говоря, при соблюдении определённой дисциплинарной дисциплины любая категория может быть «построена» из метакатегориальных компонентов, как любая теорема в конечном итоге сводится к пакету аксиом и протоколам операций между ними. Именно поэтому метакатегории отличаются высокой способностью проникновения в любую парадигму или теорию, низкой «преломляющей способностью», низкой «сопротивляемостью» имплантации этих метакатегорий в любую парадигму или теорию. Метакатегории вроде структуры или формы, содержания или системы с лёгкостью можно обнаружить в текстах по символическому интеракционизму и структурному функционализму, бурдвизму и постмодернизму, феноменологии

4 Отметим, что и в XX веке социология не до конца избавилась от этой «детской болезни», хотя почти на ощупь обнаруженная логика развития, схожая с логикой «нормальных наук», всё же минимизировали эти процессы. Однако в конце XX века мы получили не один яркий пример такой универсализации партикулярно обнаруженного; типичным и ярким примером стал «риск» у У. Бека.

5 Заметим, нет большей эпистемологической глупости, чем доксологическая мудрость: нет худшего проекта с претензией на эпистемическую честность, чем проект, апеллирующий к доксе здравого смысла как к конечной инстанции контроля и осмысления (детальной см. [8]).

6 Кроме, пожалуй, К. Маркса с его мощным философским бэкграундом и до сих пор так полностью и не раскрытой диалектической методологией.

7 То есть сложными, составленными из простых, как нас учит Г.В.Ф. Гегель [9].

8 Направленными на поиск, говоря языком С. Бахаха, всё более высоких аналогий, вплоть до аналогий между аналогиями.

и постиндустриализму. И если П. Бурдьё или Э. Гидденс ограничивались достаточно узким набором метакатегорий (где ключевыми являются, конечно, «структура» и все её производные, «система», «стратификация», «дифференциация»), если К. Леви-Стросс нащупал одну из ключевых метакатегорий «структура», а Г. Зиммель, Н. Элиас и П. Штомпка – «процесс», то уже Н. Луман предпринимает масштабную попытку имплантации в социологию целого арсенала метакатегориальных единиц.

Социология благодаря колоссальному, иногда выглядящему самозамкнутым, сферически герметичному проекту Н. Лумана на новом витке развития получает в руки многие концептуальные идеи и предложения, с которыми она была уже ознакомлена предыдущим ходом развития, а также протосоциологическими достижениями, потенциал которых на уровне развития социальной науки XVIII-XIX веков было достаточно сложно оценить. «Различение», «операция», «система», «окружающий мир», «граница», «замкнутость», «контингентность», «кодирование», «селекция», «дифференцирование», «комплексность», «редукция» и даже (пусть и весьма спорно возведенная в статус метакатегории), «коммуникация» [11].

Реакция социологии на лумановское предложение весьма показательна и характерна. С одной стороны, с юридической точностью и пунктуальностью вычерченная система вызвала близкий к религиозному экстазу у некоторых социологов, заставивший вспомнить о том, что поклоняются непонятному, с другой же – Н. Луман столкнулся с каскадом упреков в метафизичности, заформализованности, безжизненности и непрактичности своей теории. Хотя парадокс «нет ничего более практичного, чем хорошая теория»⁹, как раз на примере Н. Лумана хорошо иллюстрируется. Такое восприятие социологами вдвойне симптоматично, поскольку на противоположном от Н. Лумана фланге социологии господствует идеологема «ничего сверх», которую ошибочно отождествляют с «бритвой Оккама», а следовательно, и исследовательская практика бардовского типа¹⁰. Профанирую-

щие идеологеми вроде «ты не понимаешь, чем занимаешься, если не можешь это объяснить пятилетнему ребёнку», становление медийной поп-науки, внедрение кастрированных и примитивизированных элементов научного знания в образ жизни современного потребителя в виде (псевдо)популяризации науки, успешно торгуемых бестселлеров¹¹ - всё это далеко не способствует выработке сложной, глубоко дифференцированной, высокоабстрактной научной картины мира и уж тем более её распространению.

Тогда как и в науке, и в искусстве, и в любой дисциплинированной (и) дисциплинарной деятельности именно способность к дифференциации и абстрагированию (то есть то самое «умение находить аналогии» на всех уровнях научного оперирования) и является показателем дисциплинированности (и) дисциплинарности мышления и его специализированной подготовки.

В этом смысле не менее симптоматичным оказывается кейс ANT¹², которая, как и Н. Луман, предложила социологии мета-язык для описания различных социологических языков. Однако этот язык в общей сложности [13] является куда более простым, чем у Н. Лумана, и в аксиоматическом виде может быть редуцирован до узкого набора из нескольких метакатегорий: «объект», «актант», «поток», «узел», «сеть». Именно этим узким набором сторонники ANT предлагают описывать и дефинировать разнообразные практики, идентичности, знаниевые комплексы, институциональные ансамбли, ценностно-нормативные системы и т.д. И хотя эпистемологический посыл ANT в этом плане мало чем отличается от лумановского (а именно: социологический эпистемологический инструментарий поверхностен; он описывает лишь видимую, кажущуюся, эпифеноменальную реальность; под поверхностью эпифеноменов скрывается сущность и структура феноменов), различие реакций и тот гносеологический ажиотаж, который был развёрнут вокруг ANT, вполне иллюстративен. И разница восприятий демонстрирует нам, что дело не в самой ги-

апелляции к квантовой механике, физической химии или морфологической цитологии.

¹¹ В предисловии к которым цинично пишут, что «каждая следующая формула в тексте книги снижает её продажи вдвое» [12].

¹² Акторно-сетевой теории, actor-network theory.

⁹ Который приписывают то И. Канту, то Г. Кирхгофу, то Л. Больцману, то даже А. Эйнштейну.

¹⁰ То есть «что вижу – о том и пою», а следовательно, - чего не вижу, того не существует. Полагаем, что тупиковость этой пресуппозиции легко осознать без

потезе метакатегорий, а в способе их репрезентации (для этого достаточно сравнить, например, невероятно доступный по стилистике изложения текст Джона Ло [14] с любым текстом Н. Лумана).

Итак, даже сама социология не отвергает метакатегории. Однако логика селекции социологией этих метакатегорий достаточно хаотична и бессистемна. Безусловно, потенциальный бурбакизм не является панацеей и даже просто хорошим рецептом для социологии, однако вопрос построения метаязыка социологии, через интерфейс которого могли бы коммуницировать различные социологические теории и парадигмы, является безусловно важным и актуальным. Ключевыми проблемами здесь становятся источники рекрутирования метакатегорий, точки кристаллизации и способ упорядочивания метакатегорий, то есть режим производства метапорядка социологической эпистемологии.

Возможными источниками метакатегорий для социологии, как демонстрирует историко-социологический процесс, являются:

- «естественное» (само)движение социологических категорий, из которых имманентно и зачастую имплицитно вырастают метакатегории. Таковы, например, метакатегории «действие», «смысл», «конфликт», «поле», «прогресс», «порядок», «восприятие» и др.;

- заимствования из общефилософского и общеметодологического контекста существования социологии. Это, пожалуй, наиболее богатое и плодотворное направление, давшее социологии целые гроздья метакатегорий вроде метакатегорий «система», «структура», «форма», «содержание», «противоречие», «процесс», «явление», «изменение», «развитие»;

- извлечения из других наук и их работ; таково, например, понятие функции, извлечённое Г. Спенсером для социологии из биологической науки [15], понятие статики или динамики, имплантированное позитивистами из физики [16], понятия элемента, состояния, организации, идентичности, уровня, деятельности и др.

Именно такой генетической разнородностью метакатегорий определяется сложность их идентификации и практикования. Ведь пространство применимости метакатегорий в социологии определяется их потенциальным функционалом как:

- собственно метакатегорий, позволяющих, с одной стороны, объективировать категории высшего для данной конкретной теории или парадигмы абстракции, с другой – формулировать претендующую на универсальность аксиоматику¹³, с третьей – сохранять интерфейсы для взаимодействия с другими парадигмами и теориями;

- «служебных слов», то есть способов описания форм отношений между сущностными категориями. Так, в сочетании категорий «структура действия», взятом у структуралиста [17], «структура» представляет собой метакатегорию, тогда как в «классовой структуре общества» это безусловно, «служебное слово», которое вследствие этого зачастую даже не дефинируется и специально не исследуется. Точно так же «порядок социального» [18] содержит метакатегорию порядка, тогда как «общественный порядок» содержит исключительно служебное слово «порядок», отсылающее к сущностным словам вроде «право», «санкция», «соблюдение», «норма» и так далее;

- категорий или их составных элементов, что становится возможным при построении социальной теории высокой степени абстракции (как это происходит у системных теоретиков Н. Лумана или Т. Парсонса), а также при построении социальной теории междисциплинарного типа (см., например, интереснейшую антрополого-социологическую попытку Эриха Фромма [19]).

Однако независимо от того, насколько рефлексивно и осознанно применяется метакатегория, насколько стройной оказывается система категорий и метакатегорий, с уверенностью можно сказать, что современная социология не оставляет попыток возвести колоссальное здание метаязыка для универсализации социологических разработок, для упрощения коммуникации различных социологических теорий и парадигм, в конце концов – для защиты собственной научной идентичности. Одной из потенциальных стартовых точек архитектуризации такого метаязыка может, с нашей точки зрения, стать метакатегория порядка.

¹³ Заметим, что ни одна социологическая теория/парадигма, претендующая на универсальность, не обходится без аксиоматических метакатегорий, объяснение и интерпретация которых чаще всего полагается за пределами данной теории, в «работах предшественников» или в их «самоочевидности».

Так, один из первых метатеоретиков социологии Толкотт Парсонс¹⁴ использовал эту метакатегорию как эксплицитно, так и имплицитно, как в концептуальном, так и в служебном функционалах. Интерпретируя социальную систему как «интегративную для систем действия в целом», он предлагает особое внимание «уделять тому, как она обеспечивает или, наоборот, не обеспечивает различные порядки и уровни внутренней интеграции» [20, с. 23]. Совершенно очевидно, что тут он использует эту категорию как служебную, однако тут же, на той же странице, оперирует ею как метакатегорией, не нуждающейся в определении, однако же сущностно разъясняющей его содержательную категорию: «...мы называем нормативный аспект системы легитимным порядком» [20, с. 23], уточняя, что это не теоретическое допущение: «То, что порядок в системах действия основан на нормативном контроле, представляет из себя самое основное эмпирическое обобщение» [21, с. 46].

Имплицитное употребление данной категории мы находим, когда Т. Парсонс фактически описывает генезис социального порядка: «Но действия не бывают единичными и дискретными, они организованы в системы. Этот момент даже на самом элементарном системном уровне заставляет рассматривать компонент системной ориентации. С точки зрения системы координат действия, такая интеграция является упорядочиванием возможностей ориентации при помощи отбора» [21, с. 79]. Макросоциальная и реалистическая ориентация Т. Парсонса докситически принуждает его обсуждать порядок как реально существующий (см. по этому поводу цитату выше), а именно как реальное распределение «возможностей ориентации при помощи отбора», которая обретает внешнюю репрезентированность как интеграция.

14 Напомним, что американский социолог сам о себе заявлял: «...я принял кантовский подход к проблеме порядка. Очень широко, в плане эпистемологии эмпирического знания, Д. Юм задавал вопрос: «Возможно ли достоверное знание о внешнем мире?» — и приходил, в общем, к отрицательному ответу. Кант, со своей стороны, ставил этот вопрос сложнее. Сперва он доказывал, что фактически мы имеем общезначимое знание о внешнем мире, а затем вопрошал: «Как это возможно?» — то есть при каких условиях возможно? Аналогично некоторые теоретики задавали себе вопрос о возможности социального порядка вообще и часто отрицали саму его возможность. Я же всегда предполагал, что социальный порядок, хотя и несовершенный, существует реально...» [20, с. 258].

Схожий эпистемологический дизайн имеет теория П. Сорокина, согласно которому [22] основа внутреннего социального мира — наличие в обществе целостной, упорядоченной, твердо воспроизводимой и функционирующей системы ценностей и норм поведения. Именно нормативный аспект общества и задаёт саму возможность порядка, с точки зрения П. Сорокина, пусть даже он при этом сам концепт порядка не употребляет. Не чуждо автору и служебное употребление этой категории¹⁵, и концептуальное: «Социальный порядок не случаен, он есть продукт многовекового приспособления человечества к среде обитания и индивидов друг к другу. Это — итог вековых усилий, опыта, стремления создать наилучшие формы социальной организации и жизни» [23, с. 230]. Как видим, в отличие от своего ученика, П. Сорокин выводит категорию случайности за пределы категории порядка и говорит о социальном порядке как о *неслучайном*. Заметим, что у Т. Парсонса явно считывается понимание социального порядка как порядка *неслучайности*¹⁶.

И уж окончательно эта коннотация неслучайности уходит на задний план, в фон понимания порядка у таких теоретиков, как П. Бурдьё или И. Гоффман. Так, в одном из мало на данный момент изученных трудов П. Бурдьё при описании сообщества академических работников аргументируется: «Так, например, в безбрачии или разводе, с одной стороны, и в размере семьи — с другой (которые вносят значительный вклад в производство основной оппозиции поля), можно разглядеть показатель не только социальной интеграции, согласно классическому видению, но также и интеграции в социальный порядок — одним словом, некоторую меру того, что можно было бы назвать вкусом к порядку» [24, с. 102]. Здесь порядком оказывается нерелевантная практическая релевантность объективных структур и субъективных структур¹⁷. Порядком в мета-

15 Подавление меньшинства существует повсеместно; оно приводит к индивидуальным нарушениям порядка, обычно именуемым преступлениями [23].

16 Понимание, которое впоследствии окажется принципиальным для следующего поколения системной теории в лице Н. Лумана.

17 Более детально П. Бурдьё раскрывает это при анализе политического поведения изучаемой им касты: «Профессора медицины, кроме медиков-исследователей, довольно часто склонные к политиче-

категориальном смысле, по П. Бурдьё, тут оказывается релевантность порядка и вкуса к порядку, когда слово «порядок» взято в категориальном значении. Иначе говоря, в порядке участвуют производители этого порядка, в том числе и академические производители: «С одной стороны, существует наука о порядке и власти, стремящаяся к рационализации в двойном смысле слова существующего порядка. С другой — наука о порядке и власти, которая стремится не упорядочить публичные интересы, а осмыслить их как таковые, понять, чем являются социальный порядок и государство, сводя их посредством исторического сравнения или воображаемой вариации к простому частному случаю из пространства возможностей, осуществленных или осуществимых» [24, с. 140].

С точки зрения сущности порядка, ничуть не менее синтетическим оказывается концепция Ирвинга Гофмана. Он, конечно, часто использует эту метакатегорию и как служебную¹⁸, однако в том случае, когда говорит о «ритуальном порядке» [там же], о «системе практических условностей, приёмов и процедурных правил, функционирующей как средство направления и упорядочивания потока сообщений» [25, с. 50], об «очевидных границах для принятия ролей в сексуальном взаимодействии» [26, с. 358]. Именно такие коннотации позволяют нам установить метапорядки категорий: а именно соотносить, например, порядки категорий с метакатегориями порядка, процесса, формы, содержания, хаоса¹⁹, структуры²⁰. Мы обнаруживаем, что, например, у П. Бурдьё или И. Гофмана метакатегория порядка подчиняет себе категорию структуры, тогда как у Р. Барта или Ю. Кристевой, наоборот, метакатегория структуры включает в себя категорию порядка.

Таким образом, исследование метакатегории порядка позволяет вскрыть ме-

тапорядок категорий в теоретической социологии. Порядок как одна из наиболее абстрактных, наименее «окрашенных» и методологически ангажированных метакатегорий в этом смысле обладает высоким потенциалом экспликации логики развития социологии. Однако, с нашей точки зрения, специализированное исследование метакатегориального порядка организации социологии находится только в самом начале, и может быть полезным как методологически, так и дидактически. Преподавание, медиакоммуникация, да и вообще какая-либо публичная трансляция социологического знания невозможны без однозначной и чёткой демаркации различных его элементов, что особенно актуально для квалифицированной и специализированной научной дискуссии, из которой элиминируются личностные или парадигматические элементы.

Предложенный нами эскиз исследования, конечно, не претендует на полноту и не может быть понят как исчерпывающий. Исследование генезиса и практикования других метакатегорий, построение метакатегориальной карты социологии, исследование связи между «интернальным» текстом социологии (то есть текстом социологии-как-социологии, социологии-для-себя) и «экстернальным» текстом социологии (то есть социологии-как-практики, социологии-как-поля, говоря на языке П. Бурдьё [27]) — всё это задачи дальнейшего исследования в размеченном нами пространстве.

скому безразличию, свойственному тем, для кого социальный порядок является чем-то само собой разумеющимся» [24, с. 135].

18 Например: «При возникновении инцидента человек, чье лицо подверглось угрозе, может попытаться восстановить ритуальный порядок с помощью одной стратегии, тогда как другие участники контакта могут желать или ожидать, что будет использована другая стратегия» [25, с. 42].

19 Хотя коннотация с этой метакатегорией может рассматриваться как частный случай коннотации с метакатегорией порядка, конечно.

20 Соотношение с метакатегорией порядка остаётся тут проблематичным и дискуссионным.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. Москва: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Бауман З. Философия и постмодернистская социология. Вопросы философии. 1993. № 3. С. 46-61.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 160 с.
4. Давыдов А.А. Системная социология – социология XXI века? Социологические исследования. 2006. № 6. С. 20-25.
5. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества. Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 194-218.
6. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. Москва: АСТ, 2007. 413 с.
7. Поступной А.Н. Преподавание социологии в Украине: состояние и перспективы. Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина «Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы». 2007. Выпуск 38. С. 140-146.
8. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений. Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. Москва: Socio-Logos, 1996. С. 8-31.
9. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х тт. Москва: Мысль, 1970.
10. Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса. Вестник РУДН. Серия «Социология». 2003. № 4-5. С. 6-34.
11. Филиппов А.Ф. Теория систем: аутопойесис продолжается. Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 1. С. 50-58.
12. Хокинг С. Чёрные дыры и молодые вселенные. Москва: АСТ, 2017. 176 с.
13. Ерофеева М.А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия. Социология власти. 2015. № 1. С. 17-36.
14. Ло Дж. Объекты и пространства. Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1. С. 30-42.
15. Окатов А.В. Типология и эволюция общества в социологической концепции Г. Спенсера. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2014. 2014. № 10. С. 32-39.
16. Гуц А.К. Квантовый подход к описанию социальной статистики и социальной динамики Огюста Конта. Математические структуры и моделирование. 2016. № 40. С. 65-71
17. Парсонс Т. О структуре социального действия. Москва: Академический Проект, 2000. 880 с.
18. Голиков О.С. Фабрикація порядку. Знання в конституванні соціального. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2018. 592 с.
19. Фромм Э. Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии. Москва: АСТ, 2006. 288 с.
20. Парсонс Т. Система современных обществ. Москва: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
21. Парсонс Т. О социальных системах. Москва: Академический проект, 2002. 832 с.
22. Сорокин П.А. Причины войны и условия мира. Социологические исследования. 1993. № 12. С. 140-148.
23. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. Москва: Политиздат, 1992. 544 с.
24. Бурдые П. Homo Academicus. Москва: Издательство Института Гайдара, 2018. 464 с.
25. Гофман И. Ритуал взаимодействия. Москва: Смысл, 2009. 319.
26. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. Москва: ИС РАН, 2003. 752 с.
27. Бурдые П. Клиническая социология поля науки. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-Французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. Москва: Алетейя, 2001. С. 19-35.

References

1. Kuhn, T. (1977) The Structure of Scientific Revolutions. Moscow: Progress [in Russian]
2. Bauman, Z. (1993) Philosophy and postmodern sociology. Questions of philosophy. No. 3, pp. 46-61 [in Russian]
3. Lyotard, J.-F. (1998) The Postmodern Condition. St. Petersburg: Aletheia [in Russian]
4. Davydov, A. A. (2006) Systemic sociology – the sociology of the 21st century? Sociological researches. No. 6, pp. 20-25.
5. Luhmann, N. (1991) Tautology and Paradox in The Self-Descriptions of Modern Society. Socio-Logos. Vol. 1. Moscow, pp. 194-218 [in Russian]
6. Feyerabend, P. (2007) Against Method. Outline on an anarchistic theory of knowledge. Moscow: AST [in Russian]
7. Postupnoy A. (2007) Teaching sociology in Ukraine: condition and prospects. Visnyk of V. N. Karazin Kharkov National University «Sociological studies of modern society: methodology, theory, methods.» Issue 38, pp. 140-146 [in Russian]
8. Bourdieu, P. (1996) University doxa and creativity: against scholastic divisions. Socio-Logos'96. Almanac of the Russian-French Center for Sociological Research, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow: Socio-Logos, pp. 8-31 [in Russian]
9. Hegel, G. V. F. (1970) Science of Logic. In 3 vols. Moscow: Thought [in Russian]
10. Batygin, G. S. (2003) Talcott Parsons' Structural Functionalism. Bulletin of the RUDN University. Series «Sociology» No. 4-5. pp. 6-34 [in Russian]
11. Filippov, A. F. (2003) System Theory: autopoiesis continues. Sociological Review. Vol. 3. No. 1, pp. 50-58 [in Russian]
12. Hawking, S. (2017) Black Holes And Baby Universes. Moscow: AST [in Russian]
13. Erofeeva, M. A. (2015) Actor-network theory and the problem of social action. Sociology of power No. 1. pp. 17-36 [in Russian]
14. Law, J. (2006) Objects and spaces. Sociological Review Vol. 5. No. 1, pp. 30-42
15. Okatov, A. V. (2014) Typology and evolution of society in G. Spencer's sociological concept. Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. No. No. 10, pp. 32-39 [in Russian]

16. Guts, A. K. (2016) A quantum approach to the description of social statics and the social dynamics of Auguste Comte. *Mathematical structures and modeling* No. 40, pp. 65-71 [in Russian]
17. Parsons, T. (2000) *The Structure Of Social Action*. Moscow: Academic Project [in Russian]
18. Golikov, O. S. (2018) *Fabrication of the order. Knowledge in the constitution of social*. Kharkiv: V. N. Karazin Kharkov National University [in Ukrainian]
19. Fromm, E. (2006) *The revolution of hope. Toward a humanized technology*. Moscow: AST [in Russian]
20. Parsons, T. (1998) *The System of Modern Societies*. Moscow: Aspect-Press [in Russian]
21. Parsons, T. (2002) *The Social System*. Moscow: Academic Project [in Russian]
22. Sorokin, P.A. (1993) *The causes of war and the conditions of peace*. *Sociological research*. No. 12, pp. 140-148.
23. Sorokin, P. A. (1992) *Man, Civilization, society*. Moscow: Politizdat, 1992 [in Russian]
24. Bourdieu, P. (2018) *Homo Academicus*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute [in Russian]
25. Hoffman, I. (2009) *Interaction Ritual*. Moscow: Sense [in Russian]
26. Hoffman, I. (2003) *Frame Analysis. An Essay on Organization of Experience*. Moscow: IS RAS [in Russian]
27. Bourdieu, P. (2001) *Clinical Sociology of Science Field. Socioanalysis of Pierre Bourdieu*. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of Sociology Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Aletheia pp. 19-35 [in Russian]